

СМЕШНЫЕ ДЕТЕКТИВЫ

Елена Логунова

Фотосессия
в жанре
НЮ

Оля Романчикова

Елена Логунова

Фотосессия в жанре ню

«ЭКСМО»

2012

Логунова Е. И.

Фотосессия в жанре ню / Е. И. Логунова — «Эксмо»,
2012 — (Оля Романчикова)

ISBN 978-5-699-58653-0

Мама, папа и младший брат давно мечтали выдать Олю замуж. Но скромной учительнице не так-то легко найти своего принца! И вот одним прекрасным утром раздался звонок... «Принц» сразу пригласил Олю к себе, но вовсе не ради нее самой! Оказывается, он обнаружил в снегу бесчувственную девушку в неглиже, за резинкой чулок которой была спрятала бумажка с телефоном... Неразборчивая в связях подруга Елка доигралась! Но кто и почему вдруг решил закончить любовные утехы в сугробе?.. Отправив беспутную подругу в больницу, Оля неожиданно задержалась в доме «принца» – вовсе не во дворце, а в покосившейся деревенской избушке. А компанию ей составил самый настоящий медведь... Оля еще не знала, что расследовать случившуюся с Елкой детективную историю они будут втроем – она, «принц» Андрей и мишка Ваня Пух!

ISBN 978-5-699-58653-0

© Логунова Е. И., 2012

© Эксмо, 2012

Елена Логунова

Фотосессия в жанре ню

– Славный праздник – Новый год! Весь народ, как один!

Сержант Шишкин восхищенно причмокнул и заглянул во влажное горлышко фляжки.

Было первое января. Заповедное время, когда вся Россия, от Камчатки до Калининграда, от Сочи до Мурманска, спит богатырским сном.

Спят, пачкая подушки несмытым макияжем и лаком для волос, русские женщины, уставшие от предпраздничных хлопот и праздничного веселья.

Спят русские мужики, со свистом втягивая ноздрями запахи елки, мандаринов, «селетки под шубой» и на выдохе заменяя традиционную ароматическую смесь от поглощенных ими яств ядреным перегаром.

Спят русские бабушки и дедушки, окончательно оглохшие и ослепшие от многочасового фейерверка.

Спят измотанные ожиданием подарков дети и домашние животные с оттоптанymi в суматохе хвостами и лапами...

Сержант Шишкин завинтил крышку фляжки, вообразил себе это сонное царство на одной шестой части суши и едва не прослезился от величия представившейся ему картины и крепости выпитого им коньяка.

– И только я один не как все! – проворчал младший сержант Лейкин, с завистью покосившись на сержантскую фляжку.

– А ты сегодня за рулем! – развел руками его напарник.

– И только я один сегодня за рулем! – мрачно кивнул Лейкин.

Сержант Шишкин оценил суровую правоту сказанного приятелем и перестал улыбаться.

Утром первого января все нормальные люди спали, и только псих мог по доброй воле сесть за руль. Это делало беспрецедентно безопасными российские дороги, но лишало надежды на дополнительный заработок бессонных гаишников. А сержант Шишкин не отказался бы от пары-тройки материальных благодарностей за великодушно невыписанные штрафные квитанции! Новогодний праздник с подарками многочисленной родне изрядно опустошил его карманы.

– Ладно, не горюй! Еще не вечер! – сказал он в утешение самому себе и расстроенному напарнику, а затем закрыл глаза, чтобы поспать, как и весь народ.

Удивленный возглас коллеги Лейкина разбудил его через несколько минут.

– Глазам своим не верю! – радостно воскликнул младший сержант и потряс напарника за плечо. – Петя, не спи! Давай тормози его!

Сержант Шишкин проморгался и увидел приближавшийся автомобиль – старую «шестерку», которая лет двадцать назад была молочно-белой. Теперь она имела цвет неизлечимо больного кариесного зуба.

– А за что?

Слова сорвались с его губ раньше, чем сержант окончательно проснулся. Иначе бы этот глупый вопрос у него вовсе не возник! Мыслимое ли дело, чтобы русский гаишник не нашел, за что оштрафовать соплеменного водителя?!

– Придумаешь, за что! – озвучил эту здравую мысль младший сержант и подтолкнул напарника к дверце.

Зажав под мышкой полосатый жезл и застегивая на ходу форменную куртку, Шишкин пошел навстречу «шестерке».

Непривычно пустое шоссе напоминало серый, в белесом налете, язык гриппозного больного. Дорога была скользкой, как каток. Грязно-белые слежавшиеся сугробы тянулись по обо-

чинам, как бортики хоккейной коробки. Будь машина черной, она была бы похожа на шайбу. А не на пятнистую – белую с черным – корову на льду.

Сержант Шишкин повелительно взмахнул полосатым жезлом, и четырехколесное подобие буренки послушно остановилось.

– Здра-жла, сержнт Шишкн, – небрежной скороговоркой представился патрульный, с трудом дождавшись, пока водитель колымаги опустит стекло путем натужного вращения ручки. – Документики показываем!

– Показывайте, – охотно согласился водитель.

– Пьяный! – восхитился сержант, мгновенно найдя наиболее вероятное объяснение невероятной наглости водителя.

– Похоже, да. Что пили-то? Коньячок?

Наглец выразительно принюхался.

– Мужик, ты в своем уме?! – возмутился Шишкин.

Он запросто мог бы развить воспитательную беседу о правилах хорошего тона в общении с дорожным патрулем до степени взимания вполне приличного штрафа. Но тут в полумраке автомобильного салона на заднем сиденье мелькнул красный помпон, и сержант обрадовался, обнаружив несомненное нарушение:

– А что это вы – ребеночка без детского кресла перевозите? Непорядочек! Ну-ка, кто тут у нас?

Сержант решительно дернул на себя заднюю дверцу.

– Ыыы! – страшным животным голосом проревел предполагаемый ребеночек.

Он резко подался навстречу Шишкину, и тот сначала взвизгнул, а потом попятился. Остекленевший взгляд сержанта крепко приклеился к лохматой фигуре в проеме двери.

На сиденье косолапо переминался косматый медвежонок в лыжной шапочке с помпоном.

– Сидеть! – рявкнул водитель «шестерки» голосом командующего армией.

Зверь опустился на пол, а сержант сел в сугроб.

– Петя, что там? – выглянув в окошко патрульки, встревоженно прокричал младший сержант Лейкин.

– Ме-ме-ме! – удивленно и недоверчиво ответил Шишкин.

– «Ме-ме-ме» – это, товарищ сержант, коза! – насмешливо пробасил водитель «шестерки». – А тут у нас урсус... Для необразованных – бурый медведь.

– Так, в чем дело?! Документики! – заблажил, скользя по дороге, младший сержант Лейкин.

– Такой подойдет? – вздохнул водитель, выбрасывая в окошко руку с красной книжечкой.

– Товарищ майор? Виноват, – Лейкин неловко козырнул и перевел смущенный взгляд за спину водителя. – А это...

– А это – товарищ медведь, – складывая свою красную книжечку, веско сказал товарищ майор. – Служебный. Дрессированный. Готовим к спецоперации.

– Ыыы! – с чувством добавил спецмедведь от себя лично.

– Товарищ ме... Товарищ ма... Ввиноваты! – повторил младший сержант Лейкин и козырнул более ловко, одновременно пятясь прочь от «шестерки».

– Это что было, я не понял? – слабым голосом спросил сержант Шишкин, когда дребезжащая «шестерка» с ускорением покатила в сторону области.

– Хренов фээсбэшный майор со своим специально обученным медведем! – сердито ответил Лейкин, провожая удалявшуюся машину недобрый взглядом.

Он почесал в затылке жезлом, сдвинув на лоб ушанку, и вполголоса пробормотал:

– Вот интересно, что же в нем такого специального? Ядовитые когти и граната в заднице?

Очнувшийся Шишкин при слове «задница» с усилием выдернул свой заледеневший тыл из сугроба, вынул из кармана фляжку, потряс ее, развинтил и со словами: «Первого января на дороге только психи!» – вылил себе в рот остатки коньяка.

– Ой, Ванька, Ванька! – поглядев в зеркальце заднего вида, Андрей сокрушенно покачал головой. – Али не велел я тебе, топтыгину, сидеть смирно?

Старорусский стиль речи Андрею навевали предметы быта на соседнем сиденье: бала-лайка, шапка-ушанка и цветастый полушалок с бахромой. Все это были Ванькины вещички – реквизит для представлений.

На балалайке мишка тренькал, в платке выдвигался на «Цыганочку», а с шапкой в финале представления обходил благодарную публику, собирая денежки. Не ахти какой заработок, но поболее майорского жалованья, так что грех жаловаться.

Андрей и не жаловался. Он был старшим по званию и имел полное право отчитать рядового медведя:

– Али не наказывал я тебе, Ваня, не переть супротив поганых опричников?

– Ыы, – пристыженно буркнул медвежонок и улегся на лохматое одеяло, почти слившись с ним по цвету и фактуре.

Сам-то Андрей к поганым опричникам не принадлежал. Из «фейсов» подполковник Малинин ушел еще по осени, а майорское удостоверение, впечатлившее гаишников, числилось утерянным. Потерялось оно года два назад, а нашлось совсем недавно, на даче, во время генеральной уборки – великой и редкой, как битва столетия.

– Вовремя, выходит, нашлось, еще не раз пригодится! – резюмировал Андрей и осторожно прибавил газу.

Заледеневшая дорога походила на бобслейную трассу, но с двусторонним движением. Теоретически. Слава богу, на самом деле на встречной никого не было. Да вообще нигде никого не было, ни одной живой души!

– Первое января!

Андрей сказал это с тем мрачным удовлетворением, с каким гундосый переводчик, озвучивающий голливудские фильмы-катастрофы, произносит за кадром: «Две тысячи восьмидесятый год... Жизнь на Земле прекратилась...»

В этот момент через грязно-серый бугристый бортик слежавшегося снега, отделявший бобслейную трассу областного значения от нетронутого наста, перекатился яркий оранжевый шар – зримое доказательство того, что жизнь на Земле не совсем остановилась и еще вполне может подбросить хорошему человеку какую-нибудь пакость.

И эта пакость только на первый взгляд имела невинный вид пупырчато-рыжего марокканского апельсина.

Падая, заморский фрукт прочертил в воздухе огненную дугу, утомленный однообразной белизной водитель моргнул и непроизвольно нажал на тормоз.

Машину занесло и развернуло поперек трассы, задний бампер правым углом въехал в сугроб и вызвал сход небольшой снежной лавины. В сугробе образовалось клиновидное ущелье, а над ним полярной березкой нависло ветвистое, белое, голое – кисть человеческой руки.

– Мммать вашу так, разтак и разэтак! – Из Андрея снова густо повалило русское народное.

Дедова колымага не упустила случая показать характер: дверцу заклинило, пришлось ударить в нее плечом. Плечу, натруженному топором-колуном, это не понравилось, но и дверце мало не показалось. Протестуяще крикнув, она распахнулась. Андрей не то выскочил, не то вывалился наружу; оскальзываясь, бежал «шестерку» и с ловкостью примата-прародителя вскарабкался на обледеневший бруствер.

Она лежала на чистом снегу, как на белой простыне. Нет, как на искрящемся кварцевом песке великолепного островного пляжа! Ножки раздвинуты, ручки раскинуты, светлые волосы

разбросаны, лицо запрокинуто к небу... Длинноногая, стройная, почти голая – в одном белье и чулочках.

Красивая.

Живая!

Сначала Андрея бросило в жар, потом в холод.

Он снова помянул общерусскую народную мать, потом персонально – без затей, ненормальной душой, – обругал полуголую красавицу и суетливо завалил ее своей собственной верхней одеждой. Вернее, дедовым лохматым тулупом, древним, неприлично ветхим и вечно востребованным, как та самая фольклорная ругань.

Он повторял нехорошие слова, яростно подтыкая серую овчину под голые и блестящие, точно из целлулоида отлитые, ножки-ручки.

Красавица-блондинка безучастно смотрела в шерстяное, синее в белую нитку, январское небо и помалкивала, как будто происходящее никак ее не касалось.

Медвежонок Ваня, устав скучать на диване, перебрался с заднего ряда в передний, вылез из машины и пришел узнать, в чем дело.

– Вишь, топтыгин, какая незадача! – растерянно молвил ему хозяин.

– Ы, ы! – согласился мишка и подобрался поближе.

Светловолосая незадача, близко услышав его сосредоточенное сопение, неожиданно вышла из комы. Она моргнула, повернула голову, посмотрела на медвежонка и слабым голосом с легкой эротичной хрипотцой пробормотала:

– О, Винни-Пух!

– Ы! – с отвращением сказал русский народный мишка.

– Вот и отлично, давайте знакомиться! – с воодушевлением вскричал его хозяин, искренне радуясь тому, что они с Ваней Пухом нашли не труп, а вполне живого человека. – Это Ваня, я Андрей, а вы у нас кто будете?

– У вас?

Девушка с трудом ворочала языком. Она искоса посмотрела на Малинина, и тот почувствовал себя новобранцем, которого вот-вот начнут жестоко муштровывать.

Это привело его в чувство.

– Ну, если с вами все в порядке, то мы с мишкой поедem, – неискренне сказал он и попятился. – Тулуп, если хотите, можете оставить себе.

– А где же моя шубка?..

Девушка повернула кудрявую головушку, искательно огляделась, но никакой шубки, кроме медвежьей, поблизости не увидела и заметно обиделась.

– А где же ваша шапка? И варежки? И сапоги? И транспортное средство, на котором вы сюда прибыли? – Малинин не удержался, подхватил и широко развернул список очевидных девичьих потерь.

– Домой хочу, – сказала красавица вместо ответа, скривив голубые губы.

– А где ваш дом? – не отставал Малинин.

– А где ваш? – немного подумав, с надеждой спросила девушка и уставилась на Андрея во все глаза.

Они тоже были голубые и слепящие, как уже запрещенные ксеноновые подфарники.

– Ы! – неодобрительно сказал мишка Ваня и, взбрыкнув мохнатым задом, канул под откос на дорогу.

Дальнейшее развитие сюжета было ему уже абсолютно понятно и столь же неинтересно.

Девушка тоже как будто потеряла интерес ко всему: она снова закрыла глаза и замолчала. Отчасти поэтому Малинин не стал отвечать на ее последний вопрос. Да и неохота ему было объяснять, что его собственный дом, вернее, городская квартира, временно пустует без хозя-

ина, потому что живут они с мишкой в старом теткинском доме в поселке Прапорном. Небось городские соседи не потерпели бы присутствия в многоквартирном доме медвежонка!

Малинин обругал себя дураком и на руках, как ребенка, перенес блондинку в машину. Хотя внутренний голос подсказывал ему, что красавицу надо бы оставить где лежала, а еще лучше – закопать поглубже в сугроб, чтобы сама не вылезла и вдогонку не побежала.

Внутренний голос Андрея Малинина был пропитан цинизмом, как сочный лист растения алоэ – полезной горечью. Внутренним голосом с Малининым разговаривал инстинкт самосохранения. Если бы Андрей всегда его слушался, то был бы здоровым, богатым, неизменно преуспевающим мерзавцем.

В машине красавица затряслась:

– Я ддддд...

– Дрожите?

Малинину уже нечего было терять, поэтому он сделался предельно галантным и предупредительно включил печку на максимум. Обогрев в дедовой колыхае был единственной функцией, к которой у него не было претензий.

Печка шпарила, как аэрогриль, но девица, хоть и завернутая в тулуп, все дрожала:

– Я дддддд...

– Хотите, я еще и шаль вам дам? – предложил Андрей. – И ушанку. Она теплая.

– К черту шаль! – на одном дыхании выпалила пассажирка. – Я Ддаша!

– Ах, вы Да-ааша! Вот оно что! – с некоторым сомнением протянул Малинин, аккуратно поворачивая руль, чтобы вписаться в крутой поворот на проселок. – Даша, значит. Так-так. А что это вы, Даша, делали в чистом поле на снегу? В первый день нового года? В кружевном белье? Одна-одинешенька?

Он бы еще понял, если бы на снегу в чистом поле и кружевном белье красавица Даша лежала в приятной компании. Андрею Малинину и самому не раз приходилось встречать первое января в весьма необыкновенных местах, видах и позах, но никогда при этом он не бывал одинок, как глаз циклопа.

– Как вам не стыдно!

Даша возмутилась и посмотрела на Андрея, как благонравная Мальвина на невоспитанного Буратино, сунувшего грязную руку в полную сахарницу.

– Я устала, замерзла и плохо себя чувствую, а вы пристаёте ко мне с такими глупыми вопросами!

– Ну да, конечно!

Андрей снова покосился на балалайку с ушанкой – девица бесцеремонно сбросила их с сиденья и попирала пятками – и вспомнил заветное, сказочное:

– Ты меня сначала в баньке попарь, накорми, напои, спать уложи, а потом уже расспрашивай!

– Вот именно!

Нахалка кивнула и закрыла лазоревые глазки.

Через минуту Андрей уже слушал ее похрапывание.

Этот звук ему не понравился. Внутренний голос сварливо сказал, что он не удивится, если Даша ляжет в обещанную ей постель с пневмонией, и в очередной раз оказался прав.

– С Новым годом, земляне! – с большим чувством проорал во дворе пьяный мужской голос.

Затем грохнула петарда – недостаточно громко, чтобы взрыв услышало все население планеты, но для двора, выстроенного колодцем, в самый раз.

Оля услышала, как слева за перегородкой со стонами заворочался отец, а за стеной справа, в кухне, не по-детски выругался Костик.

– С новым счастьем! – донеслось в приоткрытую форточку.

Оля села, спустила ноги на пол, нашарила тапочки и пошла к окну. Шторы были задернуты, но не плотно, и просвет между ними слепил тугой белизной, как молния.

Часов девять, наверное, прикинула Оля. Все нормальные земляне еще спят.

Она с треском раздернула занавески и зажмурилась.

Было не девять часов утра, а много позже: солнце уже поднялось над крышей дома напротив и сидело на трубе вентиляции, как колобок на пенке. Снегопад, неожиданно и чудесно украсивший собою новогодний праздник, давно закончился, и припозднившиеся гуляки успели запятнать белый двор разноцветным серпантинном, мандариновыми шкурками, конфетными фантиками и обрывками фольги с бутылочных горлышек. На пустой бельевой площадке тихо дымилась трубка из-под недавно взлетевшей ракеты.

Пиротехника, шумно поздравившего «с наступившим» сонный двор, уже не было видно, но Оля, как воспитанная девушка, вежливо ответила в форточку:

– С Новым годом! С новым счастьем!

Очень, очень хотелось надеяться, что уж в этом-то году счастье не обойдет ее стороной. Сколько же можно обходить-то? Уже тридцать четыре года!

– Даже Илья Муромец на своей печи меньше просидел, – пробормотала Оля, стягивая через голову ночнушку.

В ярком утреннем свете ее белая кожа отсвечивала голубизной.

Может, действительно походить в солярий? Мать, вон, называет ее бледной немочью, а Елка все уговаривает взять отпуск и слетать в Таиланд. Там, мол, тепло, даже когда у нас зима и на пляже можно загорать топлес.

Как будто она станет загорать топлес!

Оля покачала головой, надела длиннополый байковый халат, тщательно застегнула его на все пуговицы и подпоясалась.

Это Елка может себе позволить щеголять в декольте и мини, а ей надо выглядеть прилично. Она же не клубная стриптизерша, она – школьная учительница!

Телефон взвыл громко и возмущенно, как холеная кошка, которой неожиданно наступили на хвост.

– Костик, зар-рраза! – Оля произнесла свое самое страшное ругательство и побежала в прихожую.

Новый телефонный аппарат был новогодним подарком всей семье Романчиковых от ее младшего члена. Только теперь, услышав звонок, Оля поняла, почему Костик коварно ухмылялся и упорно именовал новый телефон витиеватым именем собственным – Желтый Дьявол. Такой звонок сошел бы за сигнал тревоги даже в аду!

– Что за шум?

Из родительской спальни выглянула мама.

Ее густо залакированная праздничная прическа из лиловогоголубых волос оттенка – тоже Костина шутка – «Мальвина на пенсии» не растрепалась, а только примялась с боков, сделавшись похожей на деформированный рыцарский шлем. От подбородка и ниже мама закуталась в красный плюшевый плед и выглядела очень героически, как одинокий средневековый воин на поле великой битвы. А папин громкий, со всхлипами и присвистами, храп вполне мог сойти за стоны раненых бойцов и хрипы загнанных коней.

«Уланы с пестрыми значками, драгуны с конскими хвостами, все промелькнули перед нами, все побывали тут!» – процитировал Олин внутренний голос незабываемое, лермонтовское.

– Это телефон, – коротко объяснила Оля маме и сняла трубку.

– Ийа-уйау-йааааа! – нечеловеческим голосом провыл Желтый Дьявол ей в ухо.

– Отойдите подальше от телевизора! – строгим учительским голосом потребовала Оля. – У вас там сильно фонит, я не слышу ни одного человеческого слова!

- ...мать! – пробилось сквозь помехи весьма распространенное человеческое слово.
- Не слышу! – упрямо повторила Оля, против воли покраснев.

Когда какой-нибудь дерзкий мальчишка из старшего класса позволял себе отпустить в ее присутствии этакое словечко, Ольга Павловна не падала в обморок, но и не читала паршивцу нотаций. Она просто делала лицо, как у мраморной кариатиды – каменное, холодное и бесконечно усталое. И притворялась, будто не только не слышит, но даже и не видит грубияна – вот такое он ничтожество! На мальчишек это неплохо действовало.

Но голос в трубке был басовитым и явно принадлежал грубияну с большим стажем.

- Я сказал – твою мать! – повторил он с вызовом.

– Вы хотите поговорить с моей матушкой, Галиной Викторовной? – голосом крепким и холодным, как виски со льдом, спросила Кариатида Павловна.

Матушка Галина Викторовна, волоча за собой бархатную попону, с готовностью выдвинулась в прихожую.

- Нет!

Трубка рывкнула так, что общительную маму отнесло обратно.

- Я ни с кем не хочу говорить! Я хочу есть и спать!

– В таком случае приятного вам аппетита и спокойной ночи, – вежливо пожелала бело-мраморная Ольга Павловна и аккуратно опустила трубку на рычаг.

- Кто это тебе звонил? – с жадным интересом спросила Галина Викторовна.

- Никто. Псих какой-то.

- Мужчина?

У мамы заблестели глаза.

- Да какой мужчина, мам! Говорю – псих!

Оля рассердилась.

Родители чем дальше, тем больше донимали ее расспросами и советами относительно ее никак не складывающейся личной жизни. Оля чувствовала, что скоро сама спятит от такого мучительного к себе внимания.

Телефон снова взвыл. Сдвоенным эхом простонали папа в спальне и Костик в кухне.

- Да! – мгновенно сдернув с аппарата трубку, гаркнула Оля.

- Нет! – возразил хамоватый псих. – Не смейте бросать трубку! Я еще не закончил!

- Что ему нужно? – Раздражающе любопытная мама придвинулась ближе.

Оля приложила трубку к груди, тяжело вздохнула и с мольбой взглянула на потолок. Господи, за что ей такое начало нового года? И неужели он теперь весь будет таким?!

- Вы кто? – квакнула трубка.

– Оля, Оля она! – повысила голос любящая мама-пенсионерка с не по возрасту чутким слухом. – Очень хорошая девушка, учительница! Еще не замужем!

- Мама!!! – возмутилась хорошая, но незамужняя девушка.

- Да ладно? – Трубка хамски хохотнула.

- А вы-то кто?! – обиженно спросила Оля, погрозив маме пальцем.

– А я... Слушайте, это не тот вопрос! Сначала надо бы выяснить, кто такая эта мадам в развратном белье, у которой под резинкой чулка была бумажка с вашим телефонным номером!

- Что? – Оля опешила.

- Что, что?! – подхватила мама.

– Вы что, не знаете такую? – Голос в трубке помрачнел. – Эй, не надо со мной шутить! Давайте вспоминайте! Фигуристая блондинка с голубыми глазами и синим лицом...

- Почему – с синим лицом? – машинально переспросила Оля.

В голове у нее уже складывался образ, окончательному узнаванию которого из всех сил противился инстинкт самосохранения. Ввязываться в неприятные истории Оля очень не любила, а тут явно был тот самый случай.

– Потому что на фиг валяться на снегу в одних кружевах с бантами! Этак и вовсе посинеть можно, до гробовой доски.

– Погодите... Они красные? – несколько не в тему спросила Оля с внезапным подозрением. – Бантики на белье – красные? А кружева – малиновые, да?

– Ага, просто порнография.

– Ой...

– Что, что – ой, Олечка, что – ой? – заволновалась любящая мама.

– У вас там что – сеанс мозгового штурма? – почти добродушно поинтересовался вредный голос в трубке. – Я так понимаю, коллективный разум узнал мою гостью? Ну, и кто она вам? Только не говорите, что тоже очень хорошая девушка, незамужняя учительница, я все равно в это никогда не поверю.

– Она не учительница, она в ларьке торгует, – со вздохом ответила Оля. – Это Елка, моя подруга.

– Тьфу, шалава беспутная!

Галина Викторовна в сердцах плюнула под ноги и ушла к себе в спальню, потеряв интерес к происходящему.

Беспутную шалаву Елку она не привечала, считая, что та никак не годится ее дочке в подружки. Вот только никаких других подруг у Оли уже не было: ее ровесницы давно жили насыщенной семейной жизнью, не оставлявшей им ни времени, ни сил на беззаботное общение в стиле «между нами, девочками». Елка же умудрилась из двух своих скоропалительных браков выйти и без потери боевого духа, и без приобретений в виде малолетних детей, так что в каком-то смысле они с Олей снова оказались в одной песочнице.

– Елка? – с недоумением повторил этот, в трубке. – Вы дружите с деревьями?

– По-вашему, я дура?! – Ольга Павловна снова вышла из образа невозмутимой кариатиды.

Почему-то у нее не получалось сохранять спокойствие, разговаривая с этим типом.

– А, по-вашему, это я дурак? – фыркнул он. – Между прочим, мне ваша подружка назвалась Дашей!

– Ну, правильно, она и есть Даша, – Ольга Павловна собралась с мыслями и объяснила толком: – Она Даша, Дарья Петровна Елина по прозвищу Елка. Я ее так с детского садика зову.

– Ага, с тех времен, когда вы с Елкой обе были молодыми и зелеными, – язвительно хмыкнул тип.

Обидный намек на их нынешний с Елкой недетский возраст Оля высокомерно проигнорировала.

– Послушайте, вы зачем мне звоните? – почти кротко спросила она.

– А кому же мне звонить? – сердито удивился ее собеседник. – Ваша подруга – вот и забирайте ее! А то она разлеглась тут, как у себя дома!

– Послушайте!

Оля снова обиделась, но теперь уже не за себя, а за Елку.

– Я не знаю, что за отношения у вас с моей подругой, вы оба взрослые, сами разбирайтесь... А только настоящий мужчина не повел бы себя так, как вы!

– Да что вы?!

– Конечно!

– Ха!

Гневный смешок влетел в ухо, как шмель. Оля непроизвольно потрясла головой.

– А теперь вы послушайте! – сухо и очень деловито произнес мужской голос в трубке. – Поселок Прапорный, улица Березовая, восемь. Немедленно приезжайте по указанному адресу с паспортом и медицинским полисом вашей подружки.

– Что... Что вы с ней сделали?!

Оля покачнулась и оперлась рукой о стену.

Страх за беспутную подружку накатил на нее, едва не опрокинув. Елка, конечно, идиотка, и неразборчивость в связях рано или поздно должна была привести ее к плохому финалу, но как ужасно, что это случилось так рано! Да еще в новогоднюю ночь!

– Верх цинизма, – прошептала Оля.

– Что вы там лопочете? – раздраженно спросила трубка. – Ничего я с вашей Елкой не сделал! Подобрал ее полуголую на снегу, привез к себе и уложил в свою постель. Одну! А у нее, похоже, пневмония! А у вас – болезненное воображение!

– Простите, пожалуйста, – Оля покраснела.

– Прошу, – неласково пообещала трубка. – Если вы избавите меня от этой заботы! Прапорный, Березовая, восемь – запомнили?

– Запомнила.

– Все. Жду.

Трубка загудела.

– Жди меня, и я вернусь, только очень жди! – тут же вспомнилось Ольге Павловне забываемое, симоновское.

Она посмотрела на часы, заторопилась и пошла в кухню. Заботливая мама с детства приучила их с братом никогда не выходить из дома без завтрака.

Чтобы поставить чайник, к плите пришлось пробираться в обход раскладушки. Оля оценила, как Костик спит – почти уткнувшись головой в дверцу холодильника, и с сожалением отказалась от мысли слепить себе пару бутербродиков. На столе на огромном, с колесо телеги, фаянсовом блюде высились величественные руины маминого торта – пришлось свести весь завтрак к одному десерту.

Хрустя кирпичиками безе, Оля сосредоточенно думала, как она будет добираться в поселок Прапорный.

Это где-то за городом. По идее, там должен ходить какой-нибудь дачный автобус... Но не первого января. Значит, придется взять такси и заплатить за него теми самыми деньгами, которые мама с папой подарили ей на новые сапоги. Утром первого января такси за город как раз потянет на сапог – туда и сапог – обратно...

Оля вздохнула.

– Стыдись! – воскликнул ее внутренний голос. – Речь идет о спасении близкого тебе человека, единственной подруги, а ты думаешь о том, как соблюсти свои шкурные интересы?!

Оля снова вздохнула. «Шкурные интересы» – это определение идеально подходило к мечте о сапогах из натуральной кожи...

– Пре-кра-тиии! – вдруг простонал Костик.

– Что? – Оля прекратила жевать.

– Ты же как корова!

– Такая толстая?

Оля обеспокоенно оглядела себя сверху вниз и решила, что праздничные застолья еще не сказались на ее фигуре. Но Костик никогда не отличался особым тактом.

– Звенишь, как корова колокольчиком!

– Ой, извини!

Смекнув, в чем дело, Оля поспешно вынула ложечку из чайной чашки, но брат уже проснулся.

– Умммммм...

Он потер виски и прижался лбом к холодильнику.

– Голова болит? – умеренно посочувствовала Оля. – Небось пили все подряд, что нашли, дурачки мелкие!

– Сначала шампанское, потом вино, потом пиво, – припомнил Костик и опасливо покосился на старшую сестру. – Оль, а винное пятно со свитера отстирается или нет?

– Какое вино?

Оля нахмурилась. Красивый бежевый свитер был ее новогодним подарком неразумному младшему брату.

– Розовое, – Костик оценил ее гримасу и скорчил жалобную рожицу. – Ты же отстираешь, Оль? Свитер такой красивый! Я в нем всем девчонкам понравился.

– Прямо уж всем? – Она фыркнула.

– Всем до единой! – Костик повеселел. – Большое тебе спасибо за такой классный подарок! А я тебе тоже кое-что приготовил. Только это будет сюрприз.

– Новый год уже прошел! – напомнила ему Оля и встала.

Ни от брата, у которого нечасто водились деньги, ни вообще от судьбы никаких классных подарков она не ждала.

Такси до Прапорного удалось вызвать без проблем. Очевидно, все нормальные люди еще спали, так что ажиотажного спроса на заказные экипажи пока не наблюдалось.

– Просто чудно и непонятно, Евгения Евгеньевна, как это у такой бабушки, как вы, выросла такая внучка, как Елка! – уже не в первый раз удивилась Оля.

Баба Женя, даже поднятая по тревоге, не металась по квартире с охами и вздохами. Она внимательно выслушала сумбурные Олины объяснения и отреагировала так, словно всю свою семидесятилетнюю жизнь готовилась проснуться утром первого января от бешеного стука в дверь и бежать спасать непутевую внученьку. Открыла сервант – взяла с полочки Дашкины документы, шагнула к вешалке – надела поверх халата длинное болоньевое пальто, сбросила тапки – сунула ноги в винтажных «фильдеперсовых» чулках в теплые боты. Рассовала по карманам кошелек и мобильник, взмахнула перчатками, как полководец:

– Едем, Леля!

Оля с трудом подавила вздох облегчения.

Гневливый тип – голос по телефону – внушал хорошей девушке, незамужней учительнице, смутные опасения, и ехать к нему в поселок Прапорный, на улицу Березовую, восемь, в одиночку она робела. Присутствие деловитой и боевой старушки меняло ситуацию в корне: пусть теперь ОН тревожится и боится! Баба Женя три шкуры спустит с человека, посмеявшегося обидеть ее единственную кровиночку Елочку, да и Олю-Лелю, как свою, почти родную, она в обиду тоже не даст!

Даже таксист, мужик тертый, жадный и бессовестный (а какой еще стал бы работать утром первого января?), под напором бабы Жени сдулся, как проколотый воздушный шар, и уменьшил первоначально запрошенную сумму почти вдвое. Правда, настроение это ему испортило основательно, и всю дорогу до Прапорного он бубнил что-то нелестное про стервозных и скаредных баб. Железобетонную Евгению Евгеньевну этот монолог несколько не тронул, а вот Оля краснела и страдала от совокупных мучений: было стыдно считаться стервой, совестно быть жадной и обидно называться бабой в свои неполные тридцать пять.

Худенькая и стройная, Оля обычно слышала в свой адрес гораздо более приятное: «Девушка, а девушка?» Даже школьники за глаза называли ее не Ольгой Павловной, а Олечкой. А некоторые особенно дерзкие старшеклассники, случалось, порывались после занятий проводить «Олечку Палночку» домой, мотивируя смелое предложение необходимостью помочь хрупкой русичке нести тяжелую сумку, туго набитую ученическими тетрадками.

– Приехали! – сказал таксист, резко остановив машину у одинокого столбика с указателем «пос. Прапорный» и при торможении выбросив из-под колеса фонтанчик снега и мерзлой земли.

Синяя табличка с надписью покрылась толстым слоем льда и блестела, как лакированная.

Оля опасливо посмотрела на волнистое белое поле, в отдалении поросшее слабо волноватыми сизыми дымками, похожими на зарождавшиеся смерчи, и робко напомнила:

– Нам на улицу Березовую, дом восемь!

– Тогда говорите, куда дальше ехать! – Вредный таксист пожал плечами.

По идее, отправной точкой для поиска одноименной улицы могла бы стать какая-нибудь береза, но ни единого дерева в поле зрения не имелось. Сразу за столбиком с обледеневшим указателем дорога разветвлялась на три рукава.

«Направо пойдешь – коня потеряешь, налево пойдешь – голову сложишь, прямо пойдешь – и сам пропадешь, и коня потеряешь», – вспомнилось Ольге Павловне незабываемое, фольклорное.

– А сам ты слепой, что ли?! – грубо, но действительно осадил зарвавшегося водителя баба Женя. – Видишь, две дороги в снегу – по самое дорогое, а по третьей след тянется!

Оля присмотрелась: след тянулся налево. Туда, где «голову потеряешь»!

– Видишь, кто-то тут проехал не так давно! Давай гони туда же, – распорядилась баба Женя.

«Гони» – это было слишком сильно сказано.

Недовольно урча, машина поерзала, приблизительно вписалась в колею и тряско двинулась в направлении дымных смерчей.

Минут через пять стало видно, что они вырастают из присыпанных снегом крыш, затем такси поравнялось с крайним домовладением, и из-за забора послышался бодрый собачий лай. К первому псу охотно присоединился второй, затем третий, и вскоре искрящийся морозный воздух задрожал, сотрясаемый мощным собачьим хором. Судя по голосам, до появления машины четвероногие друзья отчаянно скучали.

– Мы разбудим весь поселок! – без тени вины констатировала баба Женя.

– И нас побьют, – опасливо добавил таксист.

Он еще больше сдулся и притих. Оля тоже помалкивала, высматривая названия улиц и номера домов.

«Березовая, 8» было размашисто начертано мелом на черном металлическом заборе. Без ошибок, машинально отметила русичка Ольга Павловна, но скверным почерком, который неприятно напоминал каракули обаятельного и харизматичного хулигана и двоечника Витьки Овчинникова из пятого «Б».

Нехорошее предчувствие, появившееся у Оли еще в ходе разговора с телефонным грубияном, заметно усилилось. Педагогический опыт подсказывал ей, что человека с таким почерком невозможно обескуражить строгим взглядом и действительно нейтрализовать короткой командой: «Садись, два!»

Вдобавок, приземистый дом номер восемь выглядел ничуть не более гостеприимно, чем военный блиндаж: ворота, калитка и дверь закрыты, а окна не только забраны ставнями, но еще и зарешечены длинными сталактитами могучих сосулек. Они свисали с карниза по всему фасаду, как чудовищные зубы.

– Ждать не буду, через пять минут уезжаю! – оценив обстановочку, предупредил трусоватый таксист.

– Только попробуй! Я еще из ума и памяти не выжила, номер твоей машины хорошо запомнила! Вот как пожалею в администрацию таксопарка, и уволят тебя к чертовой бабушке, будешь тогда на церковной паперти на бензин себе просить! – пригрозила ему в ответ баба Женя, выбираясь из машины.

Таксист пробурчал что-то нехорошее про разных чертовых бабушек и баб, и Оля, спасаясь от позора, поспешно вывалилась в снежную целину. Щеки у нее заалели, как два снегиря.

– Хозя-яин! Эй, хозя-аааин! – уже распевалась, вытягивая шею, баба Женя, стоя у непроглядного забора. – Открывай! Вот пень глухой... Просыпайся, черт тугоухий!

Оля нервно тискала варежки.

По ее мнению, все окрестные пни, глухие и не очень, от баб-Жениных воплей должны были пробудиться к жизни, как старый дуб из романа Льва Николаевича Толстого «Война и мир». Собаки в близлежащих дворах лаяли, как крыловская Моська на Слона. Таксист с прямым намеком не глушил мотор машины. Оле очень хотелось провалиться под снег.

Наконец из-за забора донесся долгий зловещий скрип, а сразу за ним – грубый голос:

– Кого там черти принесли?

– Это я! – пискнула Оля, с некоторым облегчением узнав неласковый бас.

– «Я» бывают разные, – авторитетно сообщил обладатель баса, дополнив эту ценную информацию издевательским смешком. – Ты ли это, хорошая девочка, незамужняя учительница?

– Мы, мы! – нетерпеливо ответила баба Женя и грудью, в свое время вскормившей пятерых детей, мощно вломила в едва приоткрывшуюся калитку. – Да посторонись ты, орясина!

Оля неуверенно хихикнула.

Крепкие старушечьи боты на «манке» с вафельным хрустом протопали по снегу и с тележным скрипом – по дощатому крыльцу. Снова горестно застонали несмазанные петли, а затем гулко хлопнула дверь.

Оля замешкалась, выжидая, и дождалась: со двора на улицу выглянул хмурый мужик в перекошенной лохматой ушанке. Обтрепавшиеся шнурки развязанных ушей трепетали у вздувшихся желваками щек игривыми пейсиками. Кулаки у мужика были бугристые и крупные, как ананасы.

Краем глаза Оля заметила, что такси тихо двинулось прочь, но ничего по этому поводу не сказала и даже не дернулась. Цепким взглядом из-под густых бровей хмурый дядька удержал ее на месте.

– Здравствуйте, – шепотом сказала Оля.

Снегири на ее щеках замерзли и обесцветились.

– Ну, привет, незамужняя девочка, хорошая учительница, – без особой сердечности ответил мужик и оглянулся через плечо. – А это кто? Твоя злая дуэнья?

– Это Евгения Евгеньевна, Елкина бабушка, – холодно ответила Ольга Павловна, не привыкшая к тому, чтобы ей нагло хамили и бесцеремонно «тыкали».

– «Елкина бабка» – это хорошо сказано, – заметил грубиян и неожиданно славно улыбнулся: – А что такое «орясина», ты мне объяснишь?

Снегири оттаяли.

– В толковом словаре Ушакова просторечное слово «орясина» означает «большая палка, дубина, жердь», а также «человек высокого роста», – без запинки протараторила Ольга Павловна.

– Дубина, значит? – Мужик пошевелил бровями и отступил во двор, освобождая калитку. – Ну, заходи, что ли, хорошая-незамужняя!

В доме было сумрачно и густо пахло табаком, борщом и собачьей шерстью.

Оля машинально огляделась в поисках теплых мужских носков подходящего для орясины сорок десятого размера, разложенных на печи для просушки, а также с целью традиционного вымогательства у Дедушки Мороза праздничных подарков. В качестве подходящего презента в данном тяжелом случае зримо виделись, например, бутылка дешевой водки и гирлянда сосисок.

– Что не так? – чутко уловив гримаску на девичьем лице, насупился хозяин дома.

– Как-то не празднично у вас, – проямлила Оля, не увидев ни искомых носков, ни каких-либо других элементов новогодне-рождественского убранства.

– Да уж какой тут праздник! Выспаться, и то не дают! – язвительно ответил мужик.

– Извините, – кротко сказала Оля и снова огляделась, вспомнив про спящую где-то тут подругу Елку.

Баба Женя, очевидно, свою любимую внучку уже нашла: из смежной комнаты доносились ее жалобные причитания, перемежавшиеся сердитой руганью. Причитания адресовались бедной Дашеньке, ругательства – в адрес абстрактно злой судьбы и конкретно приютившего Елку мужика.

– Спасибо, что помогли нашей Даше! – заглушая монолог неблагодарной бабы Жени, порадела за справедливость добросердечная Оля. – Вообще-то она хорошая, просто не-осторожная, доверяет всяким негодьям.

Мужик мрачно смотрел на нее.

– И невезучая она, вечно ей попадаются какие-то неправильные мужчины! – по инерции договорила Оля и, сообразив, что ляпнула грубость, сильно смутилась.

– Значит, дубина, негодяй и неправильный мужик, – как бы задумчиво подытожил Олин собеседник. – Это все? Или еще найдутся для меня эпитеты?

– А вы разве знаете, что такое «эпитет»? – удивилась русичка Ольга Павловна и, спохватившись, что снова нахамила незнакомцу, смутилась пуще прежнего.

– Да где уж мне, темному! – откровенно издевательски пожал плечами мужик.

Плечи у него были богатырские. Ольга Павловна сразу вспомнила, как словарь Даля определяет выражение «косая сажень».

– Эй, вы!

Из соседней комнаты выглянула баба Женя.

Губы у нее были сжаты в линию, подбородок приподнят и выпячен, взгляд остр и крепок, как штык.

Именно такое лицо, по мнению Ольги Павловны, должен был иметь император Наполеон Бонапарт непосредственно перед битвой под Аустерлицем.

– «Скорую» мы не дождемся, у них сегодня все кареты нарасхват! – сообщила Евгения Евгеньевна Бонапарт, наставив взгляд-штык точно в переносицу хозяина дома. – А у вас ведь есть машина?

– Нет, – быстро ответил тот, и Оля кивнула, подумав, что она на его месте сказала бы точно так же. – То есть есть, но я не могу сесть за руль! Я выпил!

– Все выпили! – сказала, как отрезала, баба Женя. – Живо заводите машину, надо как можно скорее доставить Дашеньку в больницу!

– Господи, за что мне это? – комично-жалобно спросил мужик засиженную мухами голую лампочку под потолком, сдвинув на затылок мохнатую шапку.

При этом открылся широкий крутой лоб и смешные мальчишеские вихры. Учительница Ольга Павловна по привычке подумала, что они длинноваты, не мешало бы подстричь, но вслух примирительно сказала совсем другое:

– Быть добрым – благородно! – И пояснила: – Это Марк Твен.

– Когда хочешь сделать добро, тщательно все обдумай! – без заминки отозвался мужик. – Это Хун Цзычен.

– Хорош материться! – рявкнула из дверного проема баба Женя. – Сказано – живо заводите мотор, значит, заводите, пока я добрая!

– А какая же она злая? – смешно тараща глаза, спросил мужик уже не у лампочки, а у Оли – вероятно, для разнообразия.

– Пожалуйста, давайте отвезем Елку к врачу! – не ввязываясь в эту полемику, попросила она.

Формулировка оказалась неправильной, надо было сказать не «отвезем», а «отвезите»: оказалось, что для самой Оли места в машине нет.

– Я за рулем, Елкина бабка сядет впереди, саму Елку положим сзади, а вот тебе, хорошая девушка, я могу предложить место только в багажнике, – вкратце описал ситуацию хозяин дома и задумчиво посмотрел на Олю, точно прикидывая, поместится ли она в багажник.

– Я не хочу в багажнике, – пролепетала она.

– А я не хочу бросать без присмотра мишку... Значит, ты пока останешься тут! – Мужик самостоятельно нашел решение и очень этой своей находке обрадовался. – Ты же учительница? Педагог? Вот и побудешь гувернанткой при мишке!

– А сколько вашему Мишке лет? – встревожилась новоиспеченная гувернантка.

– Маленький еще!

– Так, все, поехали, поехали! – захлопотала баба Женя. – Ты, парень, давай Дашеньку выноси, как есть, вместе с одеялом, а я вещички ее возьму.

– Вы не надорветесь, их немного! – Мужик еще язвил, но уже подчинялся распоряжениям генерала в юбке.

Спустя несколько минут Оля долгим тоскливым взглядом с крыльца проводила удаляющуюся «шестерку», вернулась в дом, закрыла входную дверь на задвижку и беспомощно огляделась.

Гувернантка, вот так. Персональная нянька с университетским образованием.

Оля поежилась.

Опыт общения с очень маленькими детьми у нее был небольшой и целиком и полностью относился к давно и прочно забытым детсадовским временам брата Костика. Оставалось надеяться, что этот Мишка – не совсем младенец, а пацан хотя бы младшего школьного возраста.

Вязаная детская шапочка с красным шерстяным помпоном, небрежно брошенная на ободранную табуретку, казалось, подтверждала это оптимистичное предположение. Оля оценила размер головного убора и пробормотала:

– Башковитый парень! Весь в отца.

Выпуклый сократовский лоб хозяина дома запомнился ей почти так же хорошо, как и его широкие плечи.

– Ну, ладно! – Оля решительно хлопнула себя варежками по бокам и огляделась.

Мучительная застенчивость всегда была одной из наиболее ярких черт Ольги Романчиковой. Полагая свой характер излишне мягким и, в силу выбранного ею рода профессиональной деятельности, подлежащим неременному ужесточению, с некоторых пор она старательно себя перевоспитывала.

Оказавшись в чужом доме, Оля только первые пять минут скромно стояла столбом в пустом углу, затем она стала осваиваться. Отыскала тряпочку и смахнула со стола засохшие до каменной твердости крошки. Включила электрочайник и нашла в допотопном шкафчике из расслоившейся, как зачитанная книжка, фанеры коробку с чайными пакетиками, половинку хлебного батона и банку клубничного варенья. Застелила чьим-то клетчатым шарфом подзрительного вида табуретку и села за стол у окна – пить чай и смотреть на улицу в клиновидную щель между перекошенными ставнями.

Клубничное варенье – густое, тягучее, с тугими ягодами и полупрозрачными листиками под слоем крупнозернистого розового сахара – было очень вкусное. Оля сделала себе зарубочку на память – непременно спросить у хозяина дома рецепт чудо-варенья – и с профессиональным интересом рассмотрела крупные разборчивые буквы на самодельной этикетке.

На порывевшей, в смутно различимую тетрадную клеточку бумажке было написано: «землянишное варення по мыртыновне 2001». Ольга Павловна живо вообразила себе некую малограмотную старушку Мартыновну, добренькую деревенскую бабушку аля Арина Родионовна. То есть совсем другого типа, нежели воинственная Евгения Евгеньевна.

А и в самом деле, у этого лобастого и плечистого грубияна, нерадивого хозяина запущенного дома, тоже наверняка была заботливая бабушка, которая с любовью готовила для него варенье в далеком две тысячи первом году...

Оля растрогалась и сама не заметила, как ополовинила банку хорошо выдержанного фирменного мартыновского «землянишного». Спихнулась только, когда алюминиевая ложка зацепила стеклянное дно, и уж тогда устыдилась и отодвинула от себя банку и чашку.

Золотистый свет в треугольной щели между ставнями постепенно поблек.

Оля посмотрела на часы с кукушкой, околевшей в очень неудобной позе – свесив голову к циферблату, словно в попытке зафиксировать время собственной отключки. Несмотря на очевидную кому кукушечки, ходики продолжали исправно отсчитывать время и как раз развернули стрелки соответственно шестнадцати часам.

Близился вечер первого дня нового года. Смеркалось.

Розовое, как закат, клубничное варенье колыхнулось в желудке и твердо пообещало неразумной лакомке скорую изжогу.

Оля с запоздалым раскаянием вспомнила, что за весь день не ела ничего, кроме сладкого, и автоматически поискала взглядом холодильник, где могла бы находиться какая-нибудь нормальная еда.

Старенький пузатый «Орск», похожий на глубоководный батискаф времен капитана Немо, только без иллюминаторов, стоял в красном углу под закопченными образами. Сверху холодильник укрывала пожелтевшая от времени самовязанная салфеточка, а вокруг отсутствующей талии, продетая в скобу единственной ручки, тянулась якорная цепь, отяжеленная массивным амбарным замком.

Оля вмиг пожалела, что без спросу съела полбанки хозяйского «землянишного». Замок на холодильнике ясно давал понять, что к съестным припасам в этом доме относятся трепетно, если не сказать больше.

Образ хозяина дома, парня, в общем-то, симпатичного, но загадочного, в списке скольконибудь интересных Ольге Павловне героев мгновенно переместился на отдаленную позицию между Синей Бородой и Кощеем Бессмертным.

– А как же Мишка?! – спихнулась вдруг нерадивая гувернантка.

Страшно было подумать, каким может быть отношение Синегобородого Кощея к беззащитному ребенку! Да уж не от него ли так надежно спрятаны продукты питания?!

Отыскав под вешалкой в углу великанские тапки, Оля переобулась и мягким шагом двинулась в темные глубины дома, чтобы найти там предполагаемого мальчика.

– Миша! Ми-шень-ка-а, ты где? – ласково позвала она в четверть голоса, чтобы ребенок спросонья не испугался незнакомой тетеньки.

И сама напугалась до обморока, когда и без того густая тьма в коридоре еще больше уплотнилась, басовито рыкнула и продырявилась двумя острыми огоньками.

– Мама! – вякнула Оля, хотя на ее добрую маму-пенсионерку это явление природы не походило вовсе.

– Ыыы! – отзывчиво промычала темнота и оформилась в косматого зверя с горящими глазами и зубастой пастью.

То, что дверь ему открыл Ваня Пух, Андрея не впечатлило – мишка давно уже научился этому нехитрому трюку, а вот зрелище раскинувшейся на полу девицы заставило его удивленно присвистнуть.

– То пусто, то густо! – сказал он вслух.

До сих пор жизненный путь экс-полковника Малинина не был усыпан спящими красавицами, и вот, на тебе, пошла масть!

– Твоя работа, топтыгин? – строго спросил он Ваню, закрывая за собой дверь.

Сразу стало совсем темно.

Андрей ощупью нашел выключатель на стене, и лампочка под потолком затопила кухню жиденьким, как бульон на кубиках, желтым светом.

– Ых!

Медвежонок сокрушенно вздохнул и спрятался под стол, задев крутым боком его ножку, отчего по вздрогнувшей столешнице покатилося что-то стеклянное. Андрей подоспел как раз вовремя, чтобы подхватить падающую банку. Сияющая первозданной чистотой, она блистала на зависть подслеповатой лампочке.

– Что, и это твоя работа?! – Увидев наклейку на банке, Андрей повторно удивился.

Старый теткин холодильник, пока новый хозяин не дополнил его нехитрую конструкцию цепью и замком, медвежонок Ваня Пух вскрывал с непринужденностью опытного грабителя сейфов, но до верхней полочки высоко подвешенного кухонного шкафчика он до сих пор не добирался.

– Растешь, артист! – сдержанно похвалил Малинин своего талантливое зверя.

Варенья ему было не жалко – в погребе банки с теткиными припасами стояли тесными рядами, как пехотинцы на параде. Огорчала необходимость придумывать новый тайник: лиш- ний раз возиться, освобождая от прочных стальных пут холодильник, Андрей ленился. Дежур- ная банка варенья в шкафчике обычно спасала его в случае острого желания чем-нибудь наскоро перекусить.

– А пузо у тебя не лопнет? Литровую банку варенья за один раз сожрать, это как тебе, не много? – укорил он косолапое обжору.

– Я же не всю банку... Я только попробовала... – жалобно пролепетала девица, возле- жавшая на полу.

Андрей поднял брови.

Частично реабилитированный Ваня Пух выбрался из-под стола и сел рядом с сообщни- цей.

– Вот как?

Андрей вопросительно посмотрел на мишку. Тот отвернулся, изображая полнейшую невинность и абсолютную непричастность к чрезвычайной ситуации.

– Не верю! – очень кстати процитировал Станиславского бывший подполковник.

– Ну, ладно, простите, я съела полбаночки... Вам жалко, что ли? – не открывая глаз, прохныкала очнувшаяся красавица.

– Жалко у мушки, – высказался Андрей, с интересом рассматривая девицу.

Ее дурацкая длиннополая юбка задралась, открыв прекрасный вид на стройные ноги. Просто неподобающе длинные и стройные для занудной училки!

– У какой мушки? – Длинноногая училка заметно тупила.

– У той, которая из бессмертного произведения народной поэзии, – любезно объяснил Андрей. – Помните? «Муха села на варенье, вот и все стихотворенье!»

– Я ведь уже извинилась за это ваше дурацкое варенье!

Девица рассердилась и широко распахнула глаза.

– Ы? – заботливо заглянул ей в лицо Ваня Пух.

– Ххххх... – длинно выдохнула пугливая дева и снова опала.

– И с такими-то нервами работать в средней школе?!

Малинин покрутил головой и пошел к шкафчику.

Там, кроме уже съеденного обоими лакомками варенья, на верхней полочке хранилась теткина аптечка со средствами первой медицинской помощи – зеленкой, валерианкой, нитро- глицирином, активированным углем, стрептоцидом, бинтами, ватой и пластырем, а также сто- яли три аптечные бутылочки с делениями. В одной был нашатырь, в другой – медицинский спирт, а в третьей – разовая доза на редкость ядреного огуречного рассола. Последнюю буты- лочку в аптечку добавил лично Малинин.

Ватка, пропитанная нашатырным спиртом, быстро оживила обморочную красавицу. Приподнявшись на локотках, она сделала попытку заглянуть за плечо Андрея.

– Но-но, не так быстро! – сказал он, вполне обоснованно предполагая возможность рецидива, и обернулся к медвежонку. – Ваня, не пугай хорошую девушку! Покажи-ка себя в лучшем виде! Давай, давай поработай!

Узнав команду, мишка потрусил в угол, куда Андрей впопыхах свалил его сценический реквизит.

– Ваня? – слабым голосом, с большим замедлением, повторила хорошая, но слабонервная и туповатая девушка. – А где Миша?

– Не волнуйся, сейчас все будут тутаньки! – Малинин посторонился, открывая ей вид на середину кухни: – Опаньки!

Ваня Пух, уже готовый к шоу, горделиво распрямился. Он зубасто улыбался, ибо точно знал, что несказанно хорош собою. На одном ухе у медвежонка болталась наспех нахлобученная шапка, с плеча свисала цветастая шаль с бахромой, а в лапах искристо поблескивала облупившимся лаком расписная балалайка.

Оля моргнула, как сова.

– Ой, вы, сени, мои сени! – на редкость немзыкально затянул Малинин.

Он широко развел руки, а затем соединил ладони со звуком, способным убить самую дюжую моль бесконтактно, одним акустическим ударом.

– Сени новые мои!

– Брынь! – с энтузиазмом сделал мишка.

Балалаечные струны затряслись, как балконные веревки, на которые с крыши упал пьяный кровельщик.

– Сени новые, кленовые! – с удовольствием, которое мог бы разделить с ним только глухонемой, распевался экс-подполковник Малинин. – Узор-ча-ты-иииии!

Засмотревшись на своего аккомпаниатора, он отвернулся от девушки и спохватился только тогда, когда услышал негромкий деревянный стук затылка о дощатый пол:

– Ой!

– Брынь! – вновь ударил по струнам мишка, логично ожидая продолжения в виде обычного «вы сени, мои сени».

– Все, Ваня, все! Молодец, хватит!

Андрей снова побежал к шкафчику за нашатырем, но с полпути изменил свое намерение и сначала отвел в спальню мишку.

Вполне вознагражденный выданными ему за труды морковками и яблоками, Ваня Пух против временной изоляции нисколько не возражал. Это внушило его хозяину надежду на то, что теперь пугливая девица пробудет в сознании достаточно долго, чтобы успеть получить от него успокаивающие объяснения.

– Тебя как зовут-то? Напомни, а то я забыл, – игриво пощекотав изящный девичий носик нашатырной ваткой, попросил Малинин и посмотрел на часы.

В принципе делать такого рода шокирующие признания пробуждающимся близ него девицам Андрею было не впервой, однако обычно ритуальная процедура освежения короткой мужской памяти бывала утренней, а не вечерней.

– Меня зовут Ольга Павловна, – слабым, но строгим учительским голосом сообщила Оля и села. – А вас?

– Нас-то?

Малинин оглянулся на дверь, за которой аппетитно хрустел дарами природы компанейский мишка.

– Его Ваней зовут, а меня Андреем... Петровичем.

– Очень приятно было познакомиться, – цивилизованно закончила штатную церемонию вежливая Оля и поерзала по полу пятками, недвусмысленно выражая желание встать.

– Уже уходите? – услужливо потянув ее за руку и установив вертикально, совершенно правильно расшифровал глагол прошедшего времени любезный хозяин. – Думаете, это правильно – на ночь глядя пускаться в дальний путь?

Оля нахмурилась.

Определенно, вопрос был с подвохом! И даже, кажется, не с одним...

Вопервых, сам собой напрашивался аморальный вариант – а не правильнее ли будет на ночь глядя остаться в сем гостеприимном доме? А вовторых...

– Почему это вы говорите, что путь дальний? – с подозрением уточнила она.

– Так ведь до города почти шестнадцать километров! – охотно объяснил Андрей.

– Но на машине всего пять минут...

– Так то на машине! А я вас, извините, отвезти не смогу, боюсь, бензина не хватит – все сжег, пока возил вашу Елку и ее бабушку!

Не выражая ни малейшего огорчения из-за озвученного им факта, Малинин переместился к холодильнику, вытянул из-под кружевной салфеточки гигантских размеров ключ и принялся расковыривать им замок на дверце. Кроме бензина, он за этот хлопотный день сжег немало калорий и нервных клеток, и теперь здоровый мужской организм требовал пополнения внутренних резервов.

– Ой! Елка! – Вспомнив про подружку, Оля на время забыла о своих собственных проблемах. – Как она?

– Ну, как? «Теперь она нарядная на праздник к нам пришла!» – процитировал Малинин, вскрывая теткин холодильный батискаф и отважно погружаясь в его неуютные глубины. – То есть к ним! К коллективу работников и пациентов отделения экстренной терапии краевой клинической больницы... Взяли туда вашу Елку и сказали: приходите к нам лечиться и корова, и волчица, и жучок, и паучок...

Он извлек на свет пол-литровую банку с остатками чего-то, густо затянутого не то паутиной, не то плесенью, и с нескрываемым сомнением в выражении лица ее понюхал.

– Они ее вылечат? – с тревогой спросила Оля, машинально посмотрев в озарившееся тусклым светом нутро холодильного агрегата.

Пустое, оно искрилось инеем и блестело сосульками, как карстовая пещера. Хозяйскому холодильнику, как пролетариату, нечего было терять, кроме своих цепей.

– И ее вылечат, и тебя вылечат, и меня вылечат, – рассеянно процитировал Андрей, которого в присутствии училки вдруг потянуло демонстрировать общую эрудицию.

Он вернул подозрительную банку на место:

– Нет, это отравка смертельная... – И посмотрел на гостью: – Ты яблоки любишь?

– Вы! – поправила его Ольга Павловна, продолжая бороться за подобающее ее особе уважение. – То есть мы...

– Мы, вы, они! – с готовностью подхватил Андрей.

– Местоимения первого лица множественного числа, – машинально сказала русичка Ольга Павловна и покраснела, услышав веселый смех.

Выглядеть душой, даже вполне уважаемой, ей не хотелось, да и Андрей Петрович показался мужчиной приятным и даже надежным, с каким вполне можно – без последствий – романтически поужинать непритязательными вегетарианскими кормами. Поэтому Оля перестала выпендриваться и просто сказала:

– Да, я люблю яблоки. Если в этом доме ничего другого нет...

– Как – нет? Есть еще морковка! – обиделся хозяин «этого дома».

– Ыыы! – с отчетливой претензией донеслось из-за перегородки.

Это круто изменило едва наметившуюся программу. К медведю в качестве сотрапезника Оля была не готова, и романтический ужин на троих ее отнюдь не прельщал.

– Спасибо, лучше я дома поужинаю! – слегка побледнев при звуке медвежьего рыка, сказала она и огляделась в поисках своей сумки. – Я сейчас такси вызову, у меня есть мобильник, и деньги тоже есть... Почти полтора сапога.

Таксист по вызову за ней приехал другой, не такой наглый и жадный, как первый, так что после расплаты за поездку в кошельке от «второго сапога» еще кое-что осталось – примерно каблучок, с грустью прикинула Оля.

– Так что, как хотите, а придется вам дожить до весны! – поставила она перед фактом свои старые сапоги, одновременно ставя их самих под батарею – сушиться.

Дома было тихо, сонно, пахло едой и свежесваренным чаем. Из гостиной доносилось умиротворяющее бурчание, по волнистому стеклу межкомнатной двери расслабленными медузами плавали разноцветные пятна: родители смотрели телек.

Оля быстро переоделась в любимый халат и пошла мыть руки, предвкушая главное и самое любимое развлечение первого дня нового года – спокойные посиделки у телевизора с тарелкой, полной оставшейся после праздника вкусной еды.

В ванной в пластмассовом тазу кис, дожидаясь обещанной стирки, новый свитер Кос-тика.

– Завтра, завтра, не сегодня! – процитировала Ольга Павловна знаменитое стихотворение, переведенное с немецкого, опустив его вторую половину – «так ленивцы говорят».

Первого января немного побыть ленивцем не посчитал бы за грех даже запойный трудоголик, родом и происхождением из самых настоящих арийцев.

На ходу вытирая мокрые руки полотенцем, Оля прошлепала в кухню, открыла холодильник, которому еще было что терять, и выложила на большой тарелке цветик-семицветик из разных маминих салатов. Его она окружила кружевной каемочкой из слегка заветрившихся колбасных кружочков и сырных тре-угольничков, а потом еще украсила салатную горку зеленью и маслинами. Уже откровенно эстетствуя, скрутила розочкой полупрозрачный ломтик семги...

И в этот момент завопил Желтый Дьявол.

Красная рыба плюхнулась на пол. Оля тихо чертыхнулась.

Дьявол исторг из себя новый вопль.

– Кто-нибудь, снимите трубку, у меня руки в рыбе! – нервно закричала Оля.

– Иду, иду! – пропела мама. – Алле!

Дьявол затих, и мама тоже.

Оля выдохнула, подобрала семгу, выбросила ее в мусорку и протерла линолеум бумажным полотенцем. Мытьем пола, как и стиркой, заниматься не хотелось. Завтра, завтра, не сегодня!

Но руки снова надо было вымыть, причем безотлагательно. Оля прошла в ванную, подвинув при этом загородившую проход родительницу, пополоסקала в мыльной воде ладошки, вышла и насторожилась, встретив мамин торжествующий взгляд.

– Оленька, милая, это тебя! – проворковала Галина Викторовна, сверкая глазами примерно так, как это делает проблесковый маячок, настойчивый сигнал которого совершенно невозможно проигнорировать. – Очень приятный мужской голос!

Оля изобразила опасливое удивление, приняла трубку и посмотрела на размеренно моргавшую маму с немым укором и вполне понятным намеком.

– Да-да, не буду вам мешать! – сказала Галина Викторовна и энергично потопталась на месте, в результате этого физкультурного упражнения не отдалившись от Оли с Желтым Дьяволом ни на дюйм.

– Мама!

– Да, да!

Галина Викторовна с откровенной неохотой вернулась в гостиную.

Оля посмотрела: нарядное, как соборный витраж, дверное стекло почти полностью потемнело, сохранив северное сияние цветных телевизионных сполохов только в верхней части – выше растрепанной головы Галины Викторовны, прильнувшей к двери всем телом и одним ухом. Под напором груди, вмещавшей любящее родительское сердце, дверь затрепала.

– Мама!!! – рявкнула Оля.

– Ну, ушла уже, ушла! – недовольно откликнулась Галина Викторовна.

Освобожденная дверь просияла. Оля тоже постаралась улыбнуться и вежливо сказала в трубку:

– Здравствуйте, я вас слушаю.

– Это Ольга?

– Да.

– Ольга Павловна Романчикова?

– Да, это я.

– Олюнчик...

Официальный голос в трубке мигом изменился, пропитавшись жаркой страстью, как сухая поролоновая губка кипятком.

– Милая...

– Что?..

Оля растерялась.

Если бы «очень приятный мужской голос» не назвал ее полное ФИО, она решила бы, что он ошибся номером.

– Как ты одета? Что на тебе сейчас?

– Эээ...

Ответить на такой безобразно бестактный вопрос Оля не могла как минимум по двум причинам. Во-первых, от возмущения она потеряла дар литературной речи. А во-вторых, сказать правду («Что-что, да черт знает что!») было невозможно, а вранья Ольга Павловна избегала по принципиальным соображениям.

«Давно пора было выбросить этот халат!» – буркнул внутренний голос, и Оля зарделась так, что маринованная красная рыба повторно умерла бы от зависти.

– Олюнчик, я хочу тебя раздеть! – не дождавшись ответа и нисколько этим не смутившись, с беспримерным нахальством сообщил «очень приятный мужской голос». – Хочу скользить своими мозолистыми руками по твоему гладкому нежному телу...

– Вы кто?! – высоким голосом тургеневской барышни на грани нервного срыва выкрикнула Ольга Павловна.

Северное сияние в стекле опять померкло, стертое, как ластиком, темной тучей плотной женской фигуры. Оля резко повернулась к двери спиной и отодвинулась подальше в коридор, до предела натянув телефонный шнур.

– Я – твоя радость!

– Что за шуточки?! Немедленно прекратите! И больше не смейте мне звонить!

Оля шваркнула трубку на рычаг и гневно засопела, раздувая ноздри и притопывая носком тапки.

– Олюшенька, кто звонил? – приоткрыв дверь, сладеньким голосом поинтересовалась заботливая мама.

– Крокодил! – огрызнулась неблагодарная дочь. – И со слезами просил: «Мой милый, хороший! Пришли мне галоши!»

Мама в ответ на цитату из Чуковского обиженно фыркнула и со стуком закрыла дверь.

Оля прошла к себе, легла на диван и уставилась в потолок, прокручивая в голове только что состоявшийся телефонный разговор.

Кому вообще могло прийти в голову говорить с ней, приличной девушкой, будто с какой-то сладострастной Клеопатрой?

«Хулиганам из восьмого «Б»? – предположил внутренний голос.

Оля кивнула, но без уверенности. Наиглавнейшим злодеем в ее учительской жизни был Витька Овчинников из пятого класса, но у него до ТАКИХ выходов еще, так сказать, нос не дорос! А хулиганы из восьмого «Б» подкладывали Ольге Павловне кнопки на стул, засовывали спички в замочную скважину двери кабинета литературы и прятали в портфель с тетрадками голодного хомяка. При всей своей возмутительности, выходки эти были детскими, можно даже сказать, вполне традиционными. А монолог телефонного хулигана был готовым сценарием для эротического фильма из категории «Восемнадцать плюс»!

– Ладно, я разберусь, – зловеще пообещала Ольга Павловна паутинке под потолком.

И тут же затрезвонил мобильник.

Оля неохотно взяла его и приложила к уху, не спеша откликаться из опасения вновь услышать гнусное предложение.

– Алло, Олечка! – зарокотала трубка напористым голосом Елкиной бабушки. – Оля, надо с этим разобраться!

– Я тоже так думаю!

– Зайди ко мне, поговорим!

Через пять минут, сменив будуарный халат на более приличные джинсы и свитер, Оля постучалась к соседке.

– Открыто! – бодро отозвалась баба Женя из кухни. – Проходи сюда, будем строить коварные планы и пить глинтвейн!

– Ух ты, – опасливо пробормотала праведница и трезвенница Ольга Павловна.

Планы она умела строить только поурочные, а глинтвейн считала буржуйской роскошью.

Евгения Евгеньевна колдовала у плиты, с невнятным бормотанием подсыпая в кастрюльку с ароматным варевом порошки из пакетиков без надписей. Выглядела она при этом как самая настоящая ведьма, и Оля заволновалась.

Свой безудержный авантюризм и твердый характер подруга Елка явно унаследовала по прямой линии от бабушки, так что коварные планы Евгении Евгеньевны вполне могли оказаться слишком смелыми для робкой училки.

– Пей!

Баба Женя поставила перед гостей толстостенную фаянсовую кружку.

– Только осторожно, горячее.

– Я буду осторожна, – пообещала Оля, имея в виду не только употребление глинт-вейна.

Напиток был не просто горячим – обжигающим. Оля отставила кружку и тут же услышала:

– Ты же понимаешь, что это нельзя так оставить?!

– Я только немного подожду, пока остынет!

– Будем ждать – след остынет! – убежденно кивнула баба Женя. – Тогда уж точно – концы в воду!

– Концы?

Оля опасливо заглянула в кружку.

Огнедышащее варевое в ней пытело и пенилось самым пугающим образом. Запросто можно было поверить, что в рецептуру вошли не только загадочные концы, но также щепотка другой адской серы, палец мертвеца и дохлая жаба.

В кружке булькнуло.

– А может, и живая! – прошептала Оля, имея в виду воображаемую жабу.

– Так ведь чудом живая! – всплеснула руками баба Женя. – Если бы этот хмырь деревенский ее не подобрал, замерзла бы моя принцесса, как сосулька!

Оля сразу же догадалась, что речь идет не о царевне-лягушке: принцессой Евгения Евгеньевна называла любимую внучку. Стало ясно, что построение коварных планов имеет прямое отношение к Елке.

– Мы должны узнать, какой злобный гад бросил бедную Дашеньку замерзать на снегу! – кровожадно оскалилась баба Женя.

– А полиция не узнает? – вякнула Оля, уже понимая, что спрашивает это зря.

– Деточка! Да кому и когда в этой стране помогала полиция?!

Евгения Евгеньевна потянулась через стол, стукнула своей кружкой по Олиной емкости и бодро сказала:

– Ну, за дело!

В этот момент Ольга Павловна впервые пожалела о том, что суровая миссия утром второго января конвоировать на новогоднюю елку и обратно группу пятиклассников по результатам жеребьевки в учительской выпала не ей, а биологичке Леночке.

– Встречаемся у лифта, завтра, в восемь! – непререкаемым тоном сказала Евгения Евгеньевна.

– Вечера? – с робкой надеждой спросила Оля.

– Ты что? Утра, конечно! – не обрадовала ее баба Женя. – Кто рано встает, тому Бог подает!

Она не уточнила, каких именно даров можно ожидать от Всевышнего за утреннюю гиперактивность в данном конкретном случае, и Оля ушла к себе в квартиру в невыразимой тоске.

Участвовать в самостоятельном расследовании на пару с энергичной пенсионеркой ей не хотелось, но отказаться было невозможно.

«Долг дружбы платежом красен!» – слегка перефразировав пословицу, обреченно сказал внутренний голос.

Все внешние звуки, включая шизоидное бормотание телевизора, разговоры родителей и даже писк неожиданной эсэмэски, Оля пропустила мимо сознания. Помня о предстоящей ей побудке на заре, она пораньше залезла в постель, спряталась под одеяло с головой и тем самым уберегла себя от очередного стресса.

Текст поступившего на ее мобильник анонимного эсэмэс-сообщения был настолько смелым, что лишил бы покоя и сна даже сладострастную Клеопатру.

Точность – вежливость королей и педагогов.

Без пяти восемь Ольга Павловна стояла на лестничной площадке у лифта, одной рукой прикрывая рот, раскрывшийся в затыжном зевке, а другой протирая слипавшиеся глаза.

Из-за закрытой двери квартиры Елиных доносились энергичные шорохи, стуки и звоны, наводившие на мысли о скатке шинелей, паковке вещмешков и заточке клинков. Оля с легкостью вообразила себе героическую бабу Женю с зазубренной саблей и в красноармейской буденовке, но действительность оказалась еще колоритнее.

Евгения Евгеньевна выступила на лестничную площадку в самовязанной шерстяной юбке, китайской пуховой куртке с капюшоном и в больших очках. Юбка была зеленая, куртка желтая, очки сиреневые, как линзы мощной лупы. Из-под капюшона выглядывал красный мотоциклетный шлем, яркий, гладкий и глянцевый, точно пасхальное яичко.

– Боже милостивый, – в тему прошептала Оля и окончательно проснулась. – Здравсте...

– Здра-жла! – бодро ответила баба Женя. – В колонну по два, стройссьсь!

Она протолкнула сородича в кабину лифта, снайперски ткнула пальцем в нужную кнопку и позвенела ключами на кольце, туго надетом на палец в перчатке:

– Во, видала? Я решила, что мы с тобой должны быть мобильным подразделением! Заодно и на общественном транспорте немножко сэкономим.

– Мобильным подразделением? – повторила Оля, еще не вникнув.

– Так ведь проезд-то с первого января, слыхала, опять подорожал! – тархтела баба Женя, пробивая по снежной целине двора тропинку к старому гаражу.

Легендарный мотоцикл «Ява», на котором Елкина бабка с Елкиным же дедом по молодости лет объехали чуть ли не всю страну, все еще был цел и даже, что удивительно, на ходу.

Ох, елки-палки!

– Ой, баб Жень, я вспомнила об одном важном деле!

Смекнув, что к чему, Оля задергалась.

– Давайте я вас чуть позже догоню, на такси подъеду...

– Не выдумывай! – оборвала ее баба Женя.

Не развеявшееся, чтоб его, воспоминание юности – мотоцикл с коляской – приветственно блеснул малиновым лаком.

Обреченно напяливая на макушку скорлупку шлема, Оля предательски подумала, что хорошо было бы встретить где-то поблизости, лучше всего – сразу за ближайшим углом, дорожный патруль. Авось добрый дяденька инспектор ссадил бы их с бабой Женей с мотоцикла, уберег бы от опасности и позора...

Но известные романтики большой дороги, сержант Шишкин и младший лейтенант Лейкин, вкушали в этот день заслуженный отдых, а их коллеги подстерегали нарушителей в каких-то других местах.

«Ява» пронеслась по улицам с шумом и грохотом, напомнившим Ольге Павловне забываемое, сказочное: «Это моя лягушонка в коробчонке едет».

Подобающе позеленевшая, по прибытии на место Оля выбралась из тряской коляски и первым делом дала себе страшную клятву: впредь – никогда! Ни за что! Не раскатывать на драндулетах прошлого века! За исключением разве что дорогих коллекционных автомобилей, да и то лишь в том случае, если за рулем будет кто-то помоложе и поотзывчивее, чем несгибаемая и непреклонная Елкина бабушка. И уж непременно – другого пола!

– Ах она негодяйка! – сняв с головы красный шлем, похожий на половинку помидора, воскликнула Евгения Евгеньевна. – Вчера ведь еще пластом лежала, с кровати не вставала!

Ольга подняла голову и успела увидеть длинные локоны, скользнувшие по жестяному подоконнику на втором этаже. Серебристые, блестящие и тугие, как металлическая стружка, локоны шустрыми змейками утекли в помещение, и окно со стуком закрылось.

– Ты смотри, что творит! Она уже курить выползла! – всплеснула руками баба Женя.

– Значит, ей стало лучше! – обрадовалась Оля, тоже узнавшая знакомую шевелюру.

Подруга Елка всегда и во всем отличалась изумительно пошлым вкусом. Волосы у нее были длинные, платиновые, закрученные в кукольные кудри, ресницы – иссиня-черные и сумрачно густые, как вороны крылья, губы пухлые и блестящие, как мокрый плавательный матрас, а глаза – то зеленые, то голубые, то фиолетовые, но непременно яркие и сверкающие, как стеклянные пуговицы. Елка одинаково азартно и безудержно транжирила мировые запасы декоративной косметики, накладных волос, силикона, цветных линз и пылких кавалеров, из чего Оля с сожалением сделала в свое время вывод, что мужчины в массе своей тоже отличаются на редкость пошлым вкусом.

Самой-то Оле подруга нравилась в любом виде. И чем проще, тем лучше!

Они с бабой Женей дружно протопали по скучному больничному коридору, поднялись по лестнице – на задымленном рубеже последней лестничной площадки никого уже не было – и за скромную сумму в сто рублей купили себе у хмурой дежурной право разового прохода в отделение.

– На пять минуточек, не больше! – пряча купюру, строго сказала дежурная.

– Расценочки, как в дорогом борделе! – шепнула бравая Елкина бабка на ушко Оле, но сама при этом даже не улыбнулась.

Ольга тоже поспешила сделать грустное и озабоченное лицо, уместное при посещении больной.

Хотя было понятно, что больная уже не только ходячая, но и курящая, и даже, весьма вероятно, флиртующая: в отличие от бабы Жени, поднимаясь по лестнице, Оля успела разглядеть, что кофейная банка на подоконнике курилась сразу двумя дымками от плохо затушенных сигарет. А рядом с импровизированной пепельницей стояла пустая бутылочка из-под минералки – ее Оля тоже заметила и усмехнулась: очевидно, беспутную подружку мучала невыносимая жажда послепраздничного происхождения, в просторечье именуемая выразительным словом «сушняк». В этом состоянии Елка имела обыкновение пить воду часто, помногу и залпом, так что она переливалась из бутылки в пищевод с задорным бульканьем.

В палате, которую Елка делила с пятью другими пациентками, было шумно, как в баскетбольном зале. Громкий кашель на шесть голосов отражался от высоких сводов и голых стен скудно меблированного помещения гулким эхом, так что доверительно побеседовать было сложно. А Оля быстро смекнула, что многомудрая баба Женя притащила ее к ложу хворой Елки не просто так, в рамках светского визита с легкой воспитательной функцией («А вот посмотри-ка, Дашенька, вот ведь Оленька не пьет, не курит, в сомнительных компаниях не бывает, так и сама жива-здоровая, и родных и близких своих не травмирует!»), а с конкретной целью «развести» подружку на разговор по душам. Было ясно, что своей дорогой и любимой бабушке Елка ни слова не сказала – и не скажет! – о том, с кем и как она провела бурную новогоднюю ночь. В роли разведчика должна была выступить Оля.

– Ну, вы тут посидите, посекретничайте, а я в ординаторскую схожу, поговорю с врачом, – сказала хитрая старушка, сухими и крепкими, как барабанные палочки, пальцами придавливая Олины плечи.

Оля вынужденно опустила на край древней панцирной кровати, добавившей к хорошему кашлю музыкальный стон. Баба Женя удалилась, успев еще воодушевляюще подмигнуть соратнице из-под прикрытия закрывающейся двери.

Оля вздохнула и посмотрела на подружку кротким и печальным взглядом Коровки из русской народной сказки про хорошую, но невезучую девочку Крошечку-Хаврошечку.

Плохая, но тоже невезучая девочка Дашечка-Потеряшечка вызываяше кашлянула, помотала головой и решительным голосом с мужественной бронхиальной хрипотцой сказала:

– Даже не начинай! Не вздумай меня воспитывать и расспрашивать, я ничего тебе не скажу!

– Почему? – Оля оглянулась на дверь. – Думаешь, я все бабе Жене передам? Я не передам, Даш, ты же меня знаешь!

Елка кивнула. Оля и впрямь была проверенным товарищем и просто верным другом. Собственные высокие моральные принципы не мешали ей сочувственно и сердечно относиться к беспутной подружке. Не случайно на последнем рубеже – под резинкой чулка – Елка для страховки «на всякий пожарный случай» держала бумажку с телефоном Романчиковых. «Пожарные случаи» с ней происходили не так уж редко, и никогда еще не было такого, чтобы Оля не пришла подруге на помощь. Правда, не всегда эта помощь была по-настоящему скорой, но это лишь потому, что на заветной бумажке Елка писала не мобильный, а домашний номер Оли. На мобильном у малоимущей училки то и дело банально не было средств для разговора.

– Ну, то есть я бабе Жене, конечно, что-то скажу, но не все, как есть, – уточнила свои намерения Оля. – Что ж я, изверг какой-то? Я помню, что у нее сердце слабое.

– А у меня сейчас память еще слабее! – Елка закатила глаза в потолок. – Оля, вот веришь? Я ни-че-го не помню! Как за городом оказалась, почему в сугробе лежала? Ну, не помню, хоть убейте!

– Совсем ничего не помнишь?

Ольга Пална синхронно приподняла брови и уголки губ.

С таким лицом она регулярно выслушивала измышления закоренелого двоечника Витьки Овчинникова, придумывающего все новые объяснения для своих опозданий на уроки.

– Я помню чудное мгновенье! – хмыкнула Елка, процитировав даже ей памятное, пушкинское. – Но лишь одно-единственное: как я после полчаса ожидания в «Мыльне» наконец до унитаза добралась!

– Фу! – скривилась Ольга Пална при упоминании сей пикантной подробности и совершенно неприличного ночного клуба «Мыльня».

Полностью заведение называлось «Мылен рож» и на вывеске было представлено изображением конкретно взмыленной морды разгоряченного жеребца.

– Ничего и не «фу»! – возразила Елка, повозившись, чтобы удобнее устроиться в кровати. – Ты представь: у меня живот прихватило, а в женский туалет очередь была, как в мавзолей!

– Фу! – снова скривилась Оля.

– Тебя бы на мое место, – Елка сделала страдальческое лицо и потянулась за бутылочкой с минералкой.

– Напьюсь – буду! – проворчала Ольга Пална, слегка переиначив крылатую фразу из «Бриллиантовой руки».

И приготовилась выдержать паузу в разговоре, потому что подружка явно собралась на затяжной водопой.

Она с треском откупорила бутылочку, с маху «состыковалась» с ее горлышком, запрокинула голову и разом влила в себя добрую треть содержимого. Это заняло всего пару секунд.

А уже на третьем далеко не чудном мгновенье Елка выронила бутылочку и упала на подушку, содрогаясь и хрипя. Глаза ее остекленели и уставились в потолок уже без всякого выражения. Пластиковая бутылочка, расплескивая жидкость, покатила по полу – Оля машинально отдернула ногу, и по палате распространился характерный резкий запах.

Кто-то закричал, в коридоре послышался топот, дверь палаты распахнулась настежь, стукнув о стену. На пороге возникла фигура бабы Жени, отчетливо маленькая и яркая на фоне чьего-то просторного тела в белом халате.

– Нет, нет, ей сюда нельзя, – оторопело пробормотала Оля, но было уже поздно.

Елкина бабушка охнула, схватила за сердце и осела на пол, как марионетка, которой разом перерезали веревочки.

«Вот не помню, хоть убейте!» – завихрилось в Олиной голове незабываемое, Елкино.

– Если принять внутрь несколько глотков уксусной эссенции или кислоты, то на первое место выходят поражения пищевода – его сильный, глубокий, большой площади ожог, – и человек может погибнуть от болевого шока!

Папа старался читать шепотом, но даже в таком виде его басовитый голос тревожил, как близкое гудение шмеля.

– Какой кошмар! – вполне искренне ужаснулся другой – не папин – басовитый голос.

Оля вспомнила его с трудом.

Ах да, это же Майкл. Мишка Суворин из параллельного класса.

Что это он тут делает?

Ах да, это же именно Мишка привел домой маловменяемую зареванную Олю. И мама, конечно же, постаралась его задержать – в надежде, что Майкл не просто бывший одноклассник, а нынешний или будущий кавалер.

Оле стало стыдно. Вдвойне стыдно: за маму, которая даже в такую минуту думала о том, кому бы навязать свою дочурку, и за себя, отвратительно разрыдавшуюся на плече у первого попавшегося мужика. Хорошо еще, что этим первым попавшимся оказался не совсем чужой человек, а бывший однокашник!

Впрочем, не будь Мишка ее – и Елки! – бывшим однокашником, Оля и не стала бы рыдать у него на плече. Хотя плечо для этой цели было вполне подходящее, весьма широкое и крепкое. Мишка вымахал под два метра и в школьные годы неплохо играл в баскетбол. Его и Майклом-то прозвали не случайно, а в честь знаменитого баскетболиста Джордана.

Профессиональным спортсменом Мишка-Майкл, Впрочем, не стал, но нежную привязанность к баскетболу сохранил до сих пор. Зря, что ли, он прилепил на лобовое стекло своего джипа миниатюрный баскетбольный мячик на присоске и по дому ходит не в спортивных штанах, как все мужики, а в длинных, ниже колена, шортах с лампасами и мешковатой безрукавке с каким-то номером.

Оля знала, каков домашний наряд Мишки Суворина, не потому, что бывала у него в гостях – не бывала. Просто Майкл часто бегал во двор покурить именно в этом эффектном наряде, по сезону дополняя его то курткой внакидку, то пуховиком и шапкой.

На долговязого Майкла, немного нервно смолотившего сигарку под неприязненным взглядом бабки Семиной с первого этажа, Оля натолкнулась, возвращаясь из больницы. Состояние у нее было критическое, до разрушительного эмоционального взрыва не хватало самой малости, и тут Мишка имел неосторожность проявить общительность:

– Привет, Романчикова, ты что такая бледная? Прямо, как смерть!

Упоминание о смерти в сочетании с фамильярным обращением оказало разрушительное действие.

– Сувооорин! – взревела Оля, почувствовав себя глубоко несчастной школьницей. – Дашка Елина отрави-и-илась!

И шокированному Майклу пришлось принять на себя весь этот эмоционально-информационный взрыв.

– Погоди!

Заметив, что Оля шевельнулась, мама спешно шлепнула близорукого папу по указательному пальцу, которым тот водил по странице «Популярной медицинской энциклопедии», как малограмотный первоклассник – по строчкам букваря.

Увлеченный чтением, папа мамино сигнала не заметил и продолжил тревожно гудеть:

– Если от болевого шока человек оправился, выжил, то неминуемо поражение внутренних органов – крови, печени, почек. Если и тут медицина его спасет – операциями, многочисленными инъекциями, очищением крови на аппарате «искусственная почка», – то пожизненно останутся рубцы в пищеводe, которые постепенно будут суживать его просвет, и опять придется обращаться к медицине за очередными мучительными операциями!

– Оленька, детка, ты как?

Заботливая мама заглянула дочери в лицо.

Оля со стоном сдвинула мокрую тряпочку со лба на глаза и шумно вздохнула.

– В общем, инвалидность, страдания и общение с медициной на всю оставшуюся жизнь, если только она вообще останется, эта жизнь! – резюмировал толстокожий папа, захлопнув наконец энциклопедию.

– Можно, я пойду? – робко спросил Майкл.

– Иди, Миша, спасибо тебе, извини, пожалуйста, – скороговоркой пробурчала Оля.

– Да я всегда... Я сколько угодно...

Затрещал паркет, проскрипел линолеум, мягко хлопнула дверь – Майкл удалился.

Оля открыла глаза и в упор посмотрела на маму:

– Елка умерла?

– Конечно, нет, что ты, Дашенька, возможно, выживет, она девочка молодая, здоровая, сильная! – невыносимо бодрым голосом заворковала мама, подтыкая под Олины бока плед.

Нестерпимая фальшь ощущалась не только в ее тоне, но и в самих словах: никогда раньше Галина Викторовна не называла «беспутную шалаву» Елку Дашенькой и не желала ей ничего доброго.

«О покойниках или хорошее – или ничего», – вспомнилось Оле, и сердце ее сжалось.

– В больницу звонили? – хмуро спросила она.

Мама с папой переглянулись, сгорбились и дружно опустили глаза – точь-вточь как школьники, избегающие встречаться взглядом с учительницей, которая только начала произносить могущественное и страшное заклинание вызова к доске.

– Звонили или нет? – Оля смахнула с лица холодный компресс и села.

– Звонили, звонили, ты лежи, лежи! – подхватила мама.

– Звонили, и что?

– И что...

Мама вздохнула.

Недипломатичный папа загудел сочувственно:

– И ничего хорошего, конечно! Баба Женя, может, и выкарабкается, второй инфаркт – не третий, а подружка твоя... Эх...

Оля стиснула зубы.

– Ну, поплачь, деточка, поплачь! – потянулась к ней мама.

– А что полиция? – резко отстранившись, спросила Оля.

– А что полиция? – пожав плечами, повторил папа. – У них всего одна версия: несчастный случай. Перепутала, мол, дурная девчонка с перепоей обычную питьевую воду с уксусной кислотой!

– Несчастный случай, говоришь?

Оля склонила голову к плечу, словно прислушиваясь к своему внутреннему голосу.

Внутренний голос на удивление витиевато и прочувствованно ругался классическим матом.

Оля отшвырнула в сторону плед и встала с дивана.

– Ты куда, деточка? – встревожилась мама.

– Мне нужно.

– Оля, ты не волнуйся, мы их родственникам позвонили, они все, что нужно, сделают, – успокаивающе зарокотал папа. – Насчет похорон, и вообще...

– Да при чем тут похороны?! – Оля рванула на себя витражную дверь гостиной и обернулась на пороге.

Свет из прихожей, пробивавшийся сквозь цветные стекла, окрасил ее бледное лицо пугающими пятнами.

– У меня совсем другое дело!

– Может, ей еще валерианочки? – заговорщицким шепотком спросил папа маму.

– Ничего, ничего... Образуется, – невнятно отговорила Галина Викторовна, внимательно глядя на дочь.

Зеленые и синие узоры на ее лице сложились в подобие маскировочной раскраски, а алые и бурые пятна напоминали подтеки крови. Выглядело это ужасно, но Галина Викторовна неожиданно загляделась.

Решительным и бледным лицом в спонтанном макияже в стиле «милитари» ее кроткая Оленька – впервые в жизни – удивительно походила на Рэмбо!

– «В этом городе закон – это я. И мне ты не нравишься», – неожиданно для самой себя процитировала победоносного киногероя Галина Викторовна.

Ей самой рэмбовидная дочь неожиданно понравилась.

– Сидеть! – рывкнула новая Оля на поднимавшегося с места папу.

Тот послушно плюхнулся в кресло.

Не шевелясь и напряженно прислушиваясь, родители провели в гостиной минут пять. Все это время Ольга в нехарактерной для нее бесцеремонной манере шумела в своей комнате, стуча ящиками стола и хлопая дверцами шкафа. На шестой минуте шумы переместились в прихожую и завершились финальным аккордом в виде оглушительно хлопнувшей двери.

С топотом пробежав вниз по лестнице, Оля выскочила во двор и своим появлением произвела там примерно такое же впечатление, какое вызвал бы спикировавший в тихий курятник буревестник.

Широкие завязки ее флисовой шапочки разметались, как уши буденновки, а распахнутое пальто развевалось за плечами, как бурка. Ремень сумки, наискось пересекавший укрепленную толстым свитером грудь, смахивал на патронташ. В кулаке левой руки Ольга Павловна Рэмбо на манер гранаты-лимонки зажала мобильник, а правой охлопывала себя по карманам, точно в поисках запропастившегося куда-то холодного оружия.

Обсуждавшие новогоднюю телепрограмму бабушки на лавочке замолчали, молодая мамочка с коляской резко дала задний ход, дети в сугробе застыли, как слепленный ими снеговик. Ни с кем не поздоровавшись, обычно безукоризненно вежливая Оля с ускорением пересекла двор, вылетела на улицу и взяла на абордаж отчаливавший троллейбус.

Выпрыгнув из него на остановке «Городская больница», Оля зашагала по утоптанной народной тропе к главному входу, но на полпути притормозила у ответвления дорожки.

– Направо пойдешь – в магазин попадешь, – пробурчала она по аналогии со старым сказочным сюжетом.

Вместо сигнального камня с разъяснительными надписями у развилки стоял стенд-раскладушка, эротично прикованный за одну ногу цепью к фонарному столбу. Тем, кто проследует по стрелке, указатель обещал «Продукты, фрукты, книги, игрушки и др. в ассортименте». Оля в данный момент нуждалась именно в «др.» – а конкретно, в информации.

Она решительно свернула налево, с усилием пробила через ревматически тугой и скрипучий турникет и, вновь оказавшись за территорией больницы, вышла к магазину с умильным названием «Три медведя».

Вывеску на фасаде украшало триединое изображение Винни-Пуха, страстно обнимающего бочонок с медом, медвежонок Умки, облизывающего эскимо на палочке, и безымянного бурого мишки, волокущего на горбу берестяной короб с пирогами. На короб какой-то веселый активист прилепил листовку партии «Единая Россия», увеличив медвежью популярность на вывеске сверх заявленного.

– Уронили мишку на пол, оторвали мишке лапу, – мрачно напроорочила Ольга Павловна, впрочем, вовсе не имея в виду перспективы конкретной партии.

Она толкнула дверь, глухо звякнувшую колокольчиком-бубенчиком, и вошла в магазин.

Сонная дева на единственной кассе скучно взглянула на нее мутноватыми очами с поволокой и нелюбезно предупредила:

– Через десять минут закрываемся. Короткий день!

– Короче, Склифосовский, – так же нелюбезно молвила Оля, ныряя в узкий лабиринт заставленных товарами стеллажей.

На полке с бакалеей она нашла бутылочки с уксусной кислотой, точно такие же, как та, что не в добрый час попала в руки Елке. На стеллаже с минералкой без труда разыскала поллитровку «Чистой ключевой», отличавшуюся от бутылки с кислотой только бумажной этикеткой. Немного подумав, она отклеила этикетку «Кислота уксусная пищевая 70 %» и с двумя бутылочками в руках встала в очередь к кассе.

Судя по выглядывавшим из-под пальто и курток пижамам и халатам, очередь состояла главным образом из пациентов больницы. Недорогую «Чистую ключевую» брал каждый второй. Когда подошла очередь Ольги, сонная кассирша без раздумий пробила две одинаковые

бутылочки, на одной из которых была этикетка с изображением голубого фонтанчика, как единую покупку: «Чистая ключевая» – две шт.

Оля кивнула собственным мыслям – эксперимент удался, – рассовала живительную влагу и смертельную отраву по карманам пальто и пошла в больницу.

В отделение ее не пустили.

Постукивая ногой и прикусив губу, Оля огляделась.

На подоконнике лестничной площадки по-прежнему стояли пустая бутылочка «Чистой ключевой» и полная жестянка окурков.

Ольга Павловна перебросила на живот сумку, фасон которой язвительный братец Костик называл «Мечта почтальона». Красотой и изяществом эта ручная кладь действительно не блистала, зато была практичной и вместительной, как лыковый короб того же медведя.

Раскопав в недрах своей сумы чистый полиэтиленовый кулечек, Оля аккуратно поместила в него взятую с подоконника бутылку. Затем она бестрепетно вырвала двойной лист из доселе священного талмуда – толстой тетради с поурочными планами – и в старательно свернутый бумажный фунтик пересыпала окурки из банки.

– Эй, девушка, вы это куда? – возмутился одинокий курильщик, лишившись пепельницы.

– Туда! – неопределенно ответила Оля.

Она как крышкой накрыла богатую россыпь окурков жестянкой, завернула бумажные лепестки, спрятала фунтик в сумку и, покосившись на курильщика, сварливо добавила:

– Минздрав уже устал предупреждать! Вот-вот начнем наказывать.

На выходе с территории горбольницы под елкой прятался еще один курильщик. Машинально продолжая взятую на себя роль добровольного представителя Минздрава Предупреждающего, Оля пристально посмотрела на завивавшийся колечками в морозном воздухе дымок и укоризненно покачала головой. Поначалу это никакого действия не возымело, но едва лишь она отошла на несколько метров, как из-за дерева выдвинулась крепкая мужская фигура в черном.

Если бы на пути к троллейбусу, которого она устала ждать, а потом к автобусу, в который она не сумела втиснуться, Ольге Павловне пришлось в голову оглянуться, она бы увидела, что мужчина в черном следует за ней как привязанный.

– Молодец, рядовой Топтыгин! Выражаю тебе, брат, благодарность с занесением в личное тело!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.